Славно, славно мы резвились

Автор:
Джордж Оруэлл

Славно, славно мы резвились

Джордж Оруэлл

Автобиографическое эссе, в котором Оруэлл со свойственной ему прямолинейностью и даже жестокостью рассказывает о своей учебе в школе Святого Киприана. Правила и кодексы, заведенные в этом учебном заведении, зачастую противоречащие друг другу, навсегда отбили у него желание когда-либо возвратиться в стены Киприана и, по словам самого Оруэлла, даже спустя много лет одно лишь упоминание названия школы вызывало только лишь ужас и содрогание.

Джордж Оруэлл

Славно, славно мы резвились[1 - В заглавии автор использовал строчку стихотворения «Звонкий луг» из «Песен невинности» Уильяма Блейка.]

George Orwell

Such, Such were the Joys

© перевод Вера Домитеева

© ИП Воробьев В. А.

© ИД СОЮЗ

* * *

1

Вскоре после приезда в школу Св. Киприана (не сразу, а пару недель спустя, уже привыкнув вроде к школьному регламенту) я начал писаться ночами. Мне было восемь лет, так что вернулась беда минимум четырехлетней давности. Сегодня ночное недержание при подобных обстоятельствах видится следствием естественным – нормальная реакция ребенка, которого, вырвав из дома, воткнули в чуждую среду. Но в ту эпоху это считалось мерзким преступлением, злонамеренным и подлежащим исправлению путем порки. И меня-то не требовалось убеждать в преступности деяния. Ночь за ночью я молился с жаром, дотоле мне неведомым: «Господи, прошу, не дай описаться! Господи, молю тебя, пожалуйста!..», однако на удивление бесплодно. В иные ночи это происходило, в иные – нет. Ни воля, ни сознание не влияли. Собственно, сам ты не участвовал: просто наутро просыпался и обнаруживал свою постель насквозь мокрой.

После второго-третьего случая меня предупредили, что в следующий раз накажут, причем уведомление я получил довольно любопытным образом. Однажды в полдник, под конец общего чаепития, восседавшая во главе одного из столов жена директора, миссис Уилкс беседовала с дамой, о которой я не знал ничего, кроме того что леди посетила нашу школу. Пугающего вида дама, мужеподобная и в амазонке (или в том, что я принимал за амазонку). Я уже выходил из комнаты, когда миссис Уилкс подозвала меня, словно желая представить гостье.

Миссис Уилкс имела прозвище Флип[2 - Звукоподражательное слово типа «хлоп!», «шлёп!».], так я и буду её называть, ибо так она значится в моей памяти. (Официально мы её величали «мдэм» – искаженное устами школьников «мадам», как следовало обращаться к женам заведующих пансионами). Коренастая плечистая женщина, с тугими красными щеками, приплюснутой макушкой и блестевшими из пещеры под мощным выступом бровей глазами судебного обвинителя, Флип обычно тщилась изображать добродушие

компанейски мужского тона («веселей, парни!» и т. п.), но и в этом сердечном общении взгляд её не терял бдительной неприязни. Даже не числя себя виноватым, трудно было смотреть ей в лицо без ощущения своей вины.

– Вот мальчик, – сообщила она странной леди, – который каждую ночь мочится в кровати.

И знаешь, что я сделаю, если ты снова намочишь постель? – добавила она, повернувшись ко мне. – Дам задание команде шестых тебя отлупцевать.

– Да уж, придется! – потрясенно ахнув, воскликнула странная леди.

И здесь произошла одна из диких, бредовых путаниц, обычных в детской повседневности. «Командой шестых» в школе именовалась группа старшеклассников «с характером», а стало быть, с правами колотить мелюзгу. Я не подозревал еще об их существовании и с перепугу вместо «команда шестых» услышал «мадам Шестых», отнеся это к странной даме, сочтя её именем. Имя невероятное, но дети в таких вещах не разбираются. Представилось, что леди и есть тот, кому поручат меня выпороть. Показалось вполне правдоподобным, что миссию выполнит случайная гостья, со школой никак не связанная. «Мадам Шестых» увиделась суровой ревнительницей дисциплины, любительницей избивать людей (наружность леди чем-то подтверждала этот образ), и вмиг возникла жуткая картина ее прибытия на казнь, в полном боевом облачении для верховой езды, с хлыстом. По сей день изнемогаю от стыда, вспомнив себя стоящим перед теми дамами маленьким круглолицым мальчиком в коротких вельветовых штанишках. Я онемел. Я чувствовал, что впереди смерть под хлыстом «мадам Шестых». Но доминировали не страх, не обида – позорнейший позор, поскольку еще одному, и притом женщине, стало известно о моей гнусной преступности.

Уже не помню, как я выяснил, что к поркам «мадам Шестых» не причастна. Не помню, ближайшей ночью или чуть позже я вновь описался, только случилось бедствие довольно скоро. О отчаяние, о горечь жестокой несправедливости – после стольких молитв и решительных намерений снова проснуться в липкой луже! И никакой возможности сокрытия. Угрюмая монументальная матрона, звали её Маргарет, явилась в дортуар специально для инспекции моей кровати. Осмотрев простыни, она разогнулась, и громовым раскатом прозвучала страшная фраза:

– С РАПОРТОМ после завтрака к директору!

Я пишу РАПОРТОМ крупными буквами, как отпечаталось тогда в моем мозгу. И сколько раз мне потом приходилось слышать это в стенах Киприана. И крайне редко это означало что-либо кроме побоев. Зловещие слова гремели глухой барабанной дробью, формулой смертного приговора.

Когда я покорно явился рапортовать, в комнате перед директорским кабинетом Флип возилась с бумагами за длинным полированным столом. Зловещий взгляд цепко обшарил меня.

Самбо[3 - Кличка, означающая «негритос».], мужчина некрупный, но шаркавший тяжелой поступью, выглядел как-то несуразно, с его сутулой спиной и щекастой физиономией разбухшего, бодро настроенного младенца. Он знал, конечно, зачем я пожаловал, уже достал из шкафа стек с резной костяной рукояткой, но частью наказания полагалось самому огласить свою провинность. Я огласил, директор произнес краткую патетичную нотацию, после чего схватил меня за шкирку, скрутил и начал хлестать стеком. У него был обычай продолжать внушения в процессе порки, помнится его «сквер-ный маль-чиш-ка» в такт ударам. Битье же оказалось не слишком болезненным (видимо, ради первого раза наставник бил вполсилы), и вышел я значительно повеселевшим. Безболезненность казни отзывалась победой, частично смывшей позор ночного недержания. Я даже имел неосторожность разулыбаться во весь рот. Кучка младших учеников толпилась за дверью в коридоре.

– Вздули тебя?

– А мне не больно! – гордо заявил я.

Флип услыхала. Вмиг раздался ее крик:

– Поди сюда! Вернись сию секунду! Что ты сказал?

– Я сказал… что не больно… – пролепетал я.

– Смеешь дерзить? Так-то ты понял свой урок? Ну-ка иди ЕЩЕ РАЗ С РАПОРТОМ!

На этот раз Самбо мне всыпал основательно. Хлестал, наполнив меня изумленным ужасом, долго – примерно пять минут, пока стек не сломался. Костяная рукоятка отлетела через всю комнату.

– Вон до чего довел! Сломал! – ярился Самбо, сжимая в кулаке обломок стека.

Я упал на стул и захныкал. По-моему, то был единственный за все юные годы случай, когда от порки у меня катились слезы, и, как ни странно, плач был не от боли. Повторное битьё тоже почти не вызвало болевых ощущений. Вероятно, испуг и стыд сработали анестезией. Ревел же я, отчасти уловив некие ожидания моих слез, отчасти в честном покаянии, а более всего из-за сугубо детской глубинной горести, сущность которой выразить нелегко: чувство беспомощной, пустынной отъединенности – роковой изоляции не просто в злобном мире, но во вселенной зла и блага, где правила-то есть, да у тебя нет возможности их исполнять.

Я знал касательно ночного недержания: а) оно нечестиво, б) от меня не зависит. Второй пункт я усвоил на опыте, первый – не подвергал сомнению. Значит, возможно совершить грех, даже его не сознавая, не желая и не имея способа предотвратить. То есть не обязательно ты творишь грех – бывает, грех как-то сам случается с тобой. Не стану утверждать, что мысль сверкнула абсолютной новизной под свист директорской плетки: по-видимому, проблески мелькали еще в домашней обстановке, в очень раннем и недостаточно счастливом детстве. Так или эдак, сделан был важнейший вывод из детской практики: живу я в мире, где быть правильным, хорошим при всем старании не получится. Двойная порка стала поворотом, за которым четко предстал суровый климат территорий, куда меня закинуло. Жизнь оказалась страшнее, сам я – хуже, чем мне мерещилось. И я сидел на краешке стула, хныча, раскиснув до предела, окрики Самбо не могли меня поднять. Никогда прежде мне не доводилось почувствовать себя столь виноватым, слабым и убогим.

Воспоминания о событиях тускнеют по мере давности. Вторжение новых волнующих ситуаций неизбежно теснит старые впечатления. В двадцать лет я мог бы изложить хронику школьных дней с точностью совершенно недоступной мне сегодня. А с другой стороны, иногда память обостряется как раз на расстоянии многих лет, поскольку смотришь свежим взглядом и способен разглядеть нечто, прежде не привлекавшее внимание. Вот два момента, которые я как бы вспомнил, которые мне раньше не казались важными или интересными.

Во-первых, причину вторичной порки я счел достаточной и справедливой. Получить после порки еще одну, и посильней, за то, что имел глупость выхваляться равнодушием к наказанию, – что естественней? Боги ревнивы, и когда вам повезло, нечего это демонстрировать.

Во-вторых, я безоговорочно признал свою вину за сломанный об мою спину стек. Помнится, как при виде упавшей на ковер резной костяной рукоятки я ощутил себя невежей-олухом, сгубившим драгоценную вещь. Да, это я её сломал – Самбо так крикнул мне, и я был с ним согласен. И то признание себя виновным лет тридцать тихо пролежало на дне памяти.

Многовато уже про мое детское пи?санье в постели. Но еще примечательный штрих. Писаться-то по ночам я перестал. Ну, разок потом, может, и случилось, и опять хорошенько мне досталось, однако же беда ушла. Так что, возможно, варварский метод результативен, хотя уж очень, очень дорого обходится.

2

Школа Св. Киприана, будучи заведением престижным и недешевым, всячески стремилась увеличить свой престиж (и плату за учение, надо думать). Закрытая снобистская школа, она имела особые связи с Харроу, а в мое время все чаще удавалось переправлять выпускников и в Итон[4 - В Итонском, самом знаменитым колледже Великобритании по традиции обучаются наследники королевского престола, почти столь же авторитетны упоминаемые в тексте старинные колледжи Харроу, Веллингтон, Винчестер, примыкающий к этому списку колледж в Аппингеме.]. Большинство учеников являлись сынками богатых родителей – не то чтобы аристократов, а богатеев из тех, что обитают в шикарных виллах Борнмута, Ричмонда[5 - Курортные города на южном побережье Англии.], имеют дворецких и лимузины, но не поместья. Было среди нас несколько экзотических персон: мальчики из Южной Америки – чада аргентинских мясных баронов, парочка россиян, даже сиамский принц или тот, кого экспонировали в звании принца.

Амбиции Самбо утолялись по двум направлениям: привлечение отпрысков титулованных семейств и натаскивание школяров на выигрыш стипендий для

учебы в самых элитных колледжах вплоть до Итона. Тут Самбо не ленился – при мне заполучил двоих потомков настоящей английской знати. Запомнился один из них: чахлый заморыш, белесенький, подслеповатый, с длинным сопливым носом, на кончике которого дрожала капля. В светских беседах Самбо никогда не забывал упомянуть титулы своих знатных учеников и поначалу даже к ним самим адресовался «лорд Такой-то». Излишне упоминать, что к их особам всегда умело привлекалось внимание гостей на показах дивных школьных красот. Помнится также эпизод: несчастный белесый дохлячок поперхнулся за ужином, поток соплей хлынул прямо в тарелку – жуть! Любого другого, обозвав свинёнышом, немедленно бы выставили вон. Но Флип и Самбо только обменялись улыбками типа «ах, дети есть дети!».

К очень богатым мальчикам весьма откровенно проявлялось благоволение. В закрытых школах еще веяло духом викторианских «частных академий», и когда я читал у Теккерея о тех старинных заведениях с учениками «на особом положении», многое показалось мне знакомым. Богатым мальчикам между завтраком и ленчем давали молоко с печеньем, им раза два в неделю полагались уроки верховой езды, Флип матерински опекала их и ласково звала по имени, а главное, их не пороли никогда. Сомневаюсь, чтобы кроме южноамериканцев, чьих далеких заокеанских родителей можно было не опасаться, наш директор когда-нибудь решился высечь ученика, отец которого имел больше двух тысяч годовых. Порой, однако, Самбо шел на финансовые жертвы во имя «престижа» школы. Время от времени он соглашался по льготному, значительно сниженному тарифу взять мальчика, в котором брезжил шанс выиграть стипендию благородного колледжа. Именно так я и попал в стены Киприана, по-другому моим родителям не потянуть бы тамошних расценок[6 - По словам Оруэлла, за него платили ровно половину суммы, взимаемой в школе Св. Киприана.].

Свою функцию ученика с мизерной оплатой я долго не осознавал. Лишь на четвертый год, мне было уже одиннадцать, Самбо и Флип вправили мне мозги. В начальных классах меня протерли на обычных учебных жерновах, затем, когда пошла долбежка греческого языка (латынь изучалась с восьми лет, греческий – с десяти), перевели в группу вероятных стипендиатов – постигать филологическую классику под руководством самого директора. Тут года два-три тебя, словно гуся к Рождеству, активно и расчетливо напичкивали знаниями. И что за знания! Само по себе нехорошо, если вся будущность способного подростка зависит от оценок в конкурсе, но стократ хуже, когда подготовка для Итона, Винчестера ведется исключительно ради оценки. Нас в Киприане неприкрыто обучали хитрым трюкам. Учили тем фокусам, которые в перспективе могли бы впечатлить экспертов, убедить их в твоей гигантской (фиктивной,

разумеется) учености, а лишним голову тебе не забивали. Предметы с позиции грядущей экспертизы малоценные, вроде какой-нибудь географии, почти игнорировались. Математикой, если тебя натаскивали на «классику», тоже пренебрегали, интерес к естественным наукам вообще презирался, и даже рекомендации по внеклассному чтению давались с прицелом на успехи в «английском письменном». Но и главные дисциплины, латынь и греческий, преподавались специфически – для показухи. Мы никогда, например, не прочли ни единого полного текста античных авторов, только короткие отрывки, выбранные потому, что их вероятнее всего могли предложить экзаменаторы на испытаниях по «чтению с листа». Чуть не весь последний тренировочный год мы усердно изучали работы уже состоявшихся стипендиатов. У Самбо имелись кипы этих работ, заслуживших одобрение высочайших благородных колледжей.

Но возмутительней всего велось преподавание истории.

Существовала в те годы чушь под названием «Историческая премия Харроу», в соревновании за которую сражались многие школы. Наша, Св. Киприана, традиционно брала приз[7 - Этот приз значится и в перечне индивидуальных школьных успехов Оруэлла.], и как иначе, если мы вызубривали все ответы на вопросы, неизменные от основания Харроу и число коих было отнюдь не бесконечным. Довольно идиотские вопросы, на которые требовалось выстреливать мгновенным залпом. Кто ограбил индийских княгинь? Кому отрубили голову в лодке? Кто застиг вигов за купанием и украл их одежду? На таком уровне преподносилась нам история. Бессвязный набор фактов: неведомых и весьма слабо проясненных учителем событий с подвязанными к ним звонкими фразами. Дизраэли установил почетный мир – Клайв был поражен его выдержкой – Питт призвал Новый Свет восстановить добрые отношения со Старым… И конечно же даты, и техника запоминания. (Известно ли вам, например, что речение «Старый болван лев норовит у мыши стащить трубку, хочет хозяин этот любую букашку ткнуть башмаком» начальными буквами шифрует места сражений в войне Алой и Белой розы?[8 - Имеются в виду сражения: Сент-Олбанс, Блор Хит, Ладфорд Бридж, Нортхэмптон, Уэйкфилд, Мортимерс Кросс, Сент-Олбанс (вторично), Таутон, Хеджли Мур, Хексхэм, Эджкот, Лузкот филд, Барнет, Тьюксбери, Босворт, Стоук.]). Флип, специалистка по вершинам исторического процесса, упивалась подобными штучками. Памятны наши вакханалии, когда сидевшие в классе мальчишки подпрыгивали от нетерпения выкрикнуть правильный ответ, не испытывая при этом ни малейшего интереса к покрытому тайной смыслу называемых событий.

– 1587?

– Варфоломеевская ночь!

– 1707?

– Смерть падишаха Аурангзеба!

– 1713?

– Утрехтский договор!

– 1773?

– Бостонское чаепитие!

– 1520?

Со всех скамей: «О, мдэм, пожалуйста, меня спросите!.. Мдэм, можно я скажу?.. Меня, меня, пожалуйста!..

– Ну? 1520?

– Долина золотой парчи!

И т. д.

На истории и прочих второстепенных уроках мы неплохо проводили время. Зато на классике потели вовсю. Оглядываясь назад, я убеждаюсь, что никогда потом так тяжко не трудился, хотя тогда усилия казались далеко не стоящими одобрения. Мы сидели вокруг длинного полированного стола из какой-то очень светлой, очень ценной древесины, а Самбо нас ругал, терзал, подхлестывал, порой вышучивал, крайне редко хвалил – теребил и теребил наши мозги, поддерживая нужный градус концентрации, подобно тому как засыпающего человека иголками принуждают бодрствовать.

– Трудись, лодырь! Работай, трутень бестолковый! Насквозь бездельник. Объедаешься ты, вот что. В столовой лопать как волк, а сюда подремать? Давай-давай, включайся! Ничего не соображаешь. Мозгами надо шевелить!

Самбо стучал по нашим лбам своим карандашом в серебряном футляре (мне этот карандаш запомнился огромным, размером с банан, но он действительно годился здоровенные шишки набивать) или драл за виски, а то нагнется и кулаком по щиколотке. Случались дни, когда всё шло вкривь и вкось, и тогда следовало: «Ясно! Я понял, чего ты добиваешься. Ладно, оболтус, вставай, ступай в кабинет». И в кабинете вжик-вжик-вжик, и возвращаешься исполосованный до крови, со жгучей болью – вместо охотничьего стека Самбо завел себе более продуктивную гибкую трость из ротанга, – и вновь садишься работать. Происходило подобное не так уж часто, но не раз в мои дни ученик, получивший приговор на середине латинской цитаты, уводился для порки и, вернувшись, дописывал начатый фрагмент, и ничего. Напрасно полагают, что метод порки не работает. Отлично он работает по специальному назначению. Я вообще сомневаюсь, что успехов в классическом образовании можно достичь без плетки. Сами ребята верили в эффективность метода. Был у нас парнишка, Бичем, мозгами не удался, но, видимо, остро нуждался в стипендии. Самбо хлестал его так, что конь бы рухнул. Бичем ездил экзаменоваться в Аппингем, приехал обратно с сознанием явного провала, через пару дней опять был жестко выпорот за нерадивость. «Эх, вот перед экзаменом-то меня не высекли!» – горько сетовал Бичем. Резюме звучало не слишком достойно, но я паренька понимал.

Тренировали кандидатов в стипендиаты по-разному. Сынков богачей, сполна вносивших плату, Самбо погонял отеческим манером, шутливо тыча карандашом под ребра, изредка постукивая по лбу, но за волосы не таскал и не порол. Страдали умники из бедных. Их мозги были золотой жилой глубокого залегания, тут золотишко добывалось способом выколачивания. Задолго до того как мне открылась финансовая специфика моего положения у Самбо, я ощутил, что стою ниже других ребят. Школяры делились на три касты: высшее меньшинство из крупных богачей и знати, срединное большинство из буржуазных состоятельных семейств, а на дне кучка лиц вроде меня: дети священников, чиновников колоний, вдов со скромной пенсией за покойного мужа и т. п. Бедноту держали вдали от интересных «добавочных занятий» типа стрельбы или столярки, унижали по части костюма, белья, владения всякими предметами. Мне, например, так и не пришлось заиметь собственную крикетную биту – «твои родители не могут себе этого позволить» (реплика, язвившая меня на протяжении всех школьных лет). В Киприане нельзя было оставлять при себе

взятые из дома деньги, их сразу по приезде следовало сдать, а потом разрешалось понемногу брать и тратить под надзором педагогов. Мне и ученикам подобного разряда всегда препятствовали в покупках какой-нибудь модели аэроплана или иной дорогой игрушки, даже если личный кредит позволял. Флип вообще настойчиво стремилась привить нам на будущее подобающую беднякам скромность запросов: «Ты уверен, что такому как ты мальчику необходима эта вещь?». Помню как она внушала одному из нас – выговаривала перед всей школой: «Не пора ли внимательнее обращаться с деньгами? Семья у тебя небогатая. Ты должен тратить разумно, не заноситься!». У Флип было четко расписано, кому и сколько выдавать еженедельно на карманные расходы, позволявшие ученикам побаловать себя сластями. Миллионщикам вручалось по шесть пенсов, остальным ребятам – по три, лишь мне и еще нескольким – всего по два. Мои родители об этом не просили, расход в лишний пенс, я полагаю, их не разорил бы, – это была метка статуса. Однако горше всего дело обстояло с праздничным тортом. Каждому мальчику в день рождения преподносился огромный кремовый торт со свечами. Лакомились все участники общего чаепития, стоимость пиршества приплюсовывалась к счету за учебу. И на такой расход мои родители пошли бы довольно легко, но меня школьным тортом не поздравляли. И год за годом, не решаясь выяснить вопрос, я продолжал отчаянно надеться, что торт мне будет. Пару раз даже сгоряча объявлял соученикам насчет предстоящего угощения. Потом наступал час пить чай – и чай был, а вот торта не было, что не добавило мне популярности.

Очень рано меня придавили мыслью, что нет никаких шансов на достойное будущее, если я не выиграю стипендию колледжа. Либо получу стипендию, либо с четырнадцати лет стану, как говаривал Самбо, «нищей конторской шушерой». При той моей ситуации не поверить было невозможно. В Киприане само собой разумелось, что, не попав в «хороший» колледж (а таковыми признавались лишь десятка полтора), ты губишь себя навсегда. Взрослым людям не объяснить терзавшее подростка нервное напряжение в ожидании какой-то страшной судьбоносной битвы, а дата боя приближалась – тебе двенадцатый год, уже тринадцатый, и вот уже пошел четырнадцатый, роковой! На протяжении двух лет дня не было, чтобы «экзам» (так назывался у нас конкурсный экзамен) не грыз мне душу. Он неизменно присутствовал в моих молитвах, и если в порции курятины мне доставалась дужка грудной косточки или я находил подкову, или отбивал семь поклонов новой луне, или проскальзывал через калитку, не коснувшись боковых столбиков, – всякая заработанная удача отдавалась «экзаму». Но, странным образом, одновременно мучили припадки неодолимой лени. Нахлынет тоска от дальнейших трудов, и вдруг упрешься, тупой как баран, перед простейшим переводом. К тому же я совершенно не мог работать на

каникулах. Дабы возможные стипендиаты не расслабились, нас и дома, по почте поощряли заданиями от некоего мистера Бэчлора, обросшего бородой и шевелюрой симпатяги, который носил ворсистые пиджаки и жил где-то в городе в типичном холостяцком логове (по стенам сплошь полки с книгами и всё насквозь прокурено). В каникулярное время мистер Бэчлор раз в неделю присылал нам пачки текстов. Но у меня как-то не ладилось. Чистые листы и черный латинский словарь лежали на столе, сознание невыполненного долга отравляло дни отдыха от школы, но никак было не приступить, и к концу каникул я отправлял мистеру Бэчлору всего полсотни-сотню строк. Несомненно, тут способствовала удаленность от Самбо с его тростью. Однако и на школьных занятиях временами я охотно поддавался приступам лености и тупости – мне именно хотелось впасть в немилость, я даже её добивался невнятной плаксивой строптивостью, всецело сознавая себя грешником, но неспособным или нежелающим (в этом поди-ка разберись) исправиться. Тогда следовал вызов к Самбо или Флип, и отнюдь не для порки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В заглавии автор использовал строчку стихотворения «Звонкий луг» из «Песен невинности» Уильяма Блейка.

2

Звукоподражательное слово типа «хлоп!», «шлёп!».

3

Кличка, означающая «негритос».

4

В Итонском, самом знаменитым колледже Великобритании по традиции обучаются наследники королевского престола, почти столь же авторитетны упоминаемые в тексте старинные колледжи Харроу, Веллингтон, Винчестер, примыкающий к этому списку колледж в Аппингеме.

5

Курортные города на южном побережье Англии.

6

По словам Оруэлла, за него платили ровно половину суммы, взимаемой в школе Св. Киприана.

7

Этот приз значится и в перечне индивидуальных школьных успехов Оруэлла.

8

Имеются в виду сражения: Сент-Олбанс, Блор Хит, Ладфорд Бридж, Нортхэмптон, Уэйкфилд, Мортимерс Кросс, Сент-Олбанс (вторично), Таутон, Хеджли Мур, Хексхэм, Эджкот, Лузкот филд, Барнет, Тьюксбери, Босворт, Стоук.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhordzh-oruell/slavno-slavno-my-rezvilis

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить